

Конец года цзихай, весна года гэнцзы. В столице, Юнцзи, шёл мелкий снег.

Ничего важного не случилось.

Оборонный евнух Цзянцзо, евнух Линь, по императорскому указу возвращался в столицу.

С серого неба густыми хлопьями падал снег, укрывая белым саваном древний храм. Под одноярусной полувальмовой крышей храма свисали прозрачные сосульки; капли талой воды застыли на их кончиках, готовые вот-вот сорваться вниз. В этом безмолвии казалось, будто сама зима спрятала свои острые когти.

Многие путники, спешившие домой, благоразумно решили переждать непогоду и прервали свой путь.

В тридцати ли от Юнцзи высилась гора Мосюнь, у подножия которой приютился недавно отстроенный буддийский монастырь Истинного Покоя. Обитель была небольшой и пока не успела прославиться на всю страну, однако благовония здесь курились не переставая — паломники шли непрерывным потоком. Старый настоятель, человек добродетельный и милосердный, радушно принимал каждого, кто искал укрытия от бури.

— И когда только этот проклятый снег прекратится? Ох...

— Ладно тебе сокрушаться, принимай всё как есть. Даже если бы ты сейчас добрался до столицы, тебя никто не впустил бы. Разве что ты столь важный чиновник, ради которого стража откроет ворота во время комендантского часа.

— Да уж, перед лицом такой непогоды и знатный вельможа, и простой бродяга — все равны.

Путники, собравшиеся со всех концов поднебесной, коротали время на крытой галерее, разбившись на небольшие группки. О чём они только не успели переговорить: от баек об оборотнях и призраках до местных обычаев. Теперь же дело дошло до философских размышлений о ничтожности человека перед величием природы. Поистине, когда людям нечем заняться, они способны пуститься в любые рассуждения.

— Сравнил тоже! Разве можно ставить вельмож в один ряд с чернью?

— Потихе ты! Я слышал, что на днях в столицу должен вернуться оборонный евнух Цзянцзо. Не ровен час, среди нас прячутся ищейки из Восточного притвора... Услышат подобные речи — и пиши пропало.

В то же мгновение все словно языки проглотили. Кое-кто и вовсе готов был провалиться сквозь землю или вернуть время вспять, чтобы вовремя прикусить собственный длинный язык.

После натянутого, жутковатого молчания кто-то робко, но преувеличенно бодро затянул хвалебную песнь величию нынешней династии, прославляя мир и процветание в государстве. Жажда жизни у этих людей определённо была сильна.

Именно в этот момент сквозь снежный буран к монастырю подъехала кавалькада. Лошади, повозки — каретный поезд растянулся на целую улицу. Прибывший явно не привык скромничать.

Юный послушник с бумажным фонарём в руке семенил впереди, указывая дорогу. За ним, укрытый от непогоды соломенным плащом и бамбуковой шляпой, шел окружённый плотным кольцом слуг Чи Нин. Стоило гостям переступить высокий алый порог храма, как вместе с ними внутрь ворвалось ледяное дыхание метели.

Едва они зашли под крышу, слуги расторопно помогли Чи Нину снять засыпанный снегом плащ. Под ним оказался стройный юноша в изысканном халате свободного кроя цвета лунного камня. Однако внимание привлекало другое...

В широких рукавах он бережно, словно величайшую драгоценность, прижимал к груди кусок чёрного дерева.

На вид это был самый заурядный, невзрачный деревянный брусочек, угольно-чёрный и ничем не примечательный. Но то, как Чи Нин держал его своими изящными, тонкими пальцами, заставляло поверить, что перед ними — бесценный артефакт. Чёрное дерево выгодно оттеняло белизну его кожи, делая её похожей на безупречный тёплый нефрит. Одно это простое движение приковывало к себе взгляды, заставляя окружающих затаить дыхание.

Среди постояльцев находился некий молодой человек — тучный наследный княжич Вэнь Шибao. Наглый и не знающий удержки, он с самого начала брезговал открывать своё высокое происхождение простолюдинам. Но завидев кусок чёрного дерева в руках юноши, загорелся алчностью и не удержался от вмешательства.

— Я — Вэнь Шибao, — бесцеремонно преградил он путь Чи Нину, назвав своё имя с таким апломбом, словно его обязан был знать каждый встречный. Оглядев юношу с головы до ног, толстяк снисходительно бросил: — Не буду ходить вокруг да около. Скоро моей бабушке исполняется восемьдесят лет. Мне приглянулась деревяшка в твоих руках, хочу присовокупить её к подарку. Называй цену.

Чи Нин всё ещё не снял бамбуковую шляпу, поэтому выражения его лица не было видно. Однако вся его фигура выражала одно-единственное недоумение: «Ты вообще кто такой?»

— Не вздумай упрямиться, хуже будет, — Вэнь Шибao попытался изящно взмахнуть веером, но

это лишь подчеркнуло его свирепый вид и заплывшее жиром лицо. Он явно привык действовать силой. — Терпеть не могу тех, кто строит из себя недотрог. Быстро спесь сбиваю.

«У этого типа явно не все дома», — мысленно заключил Чи Нин.

Не желая тратить время на глупца, он лишь холодно бросил:

— Вещь мне дорога, не продаётся.

С этими словами он обошёл опешившего наследника и направился вглубь монастыря.

Вэнь Шибao отродясь не сталкивался с подобной дерзостью. Чтобы кто-то посмел пренебречь им? Кровь мгновенно ударила ему в голову. Глазки у толстяка были крошечными, зато гонора — хоть отбавляй. С громким стуком захлопнув веер, он бросился вдогонку.

— А ну стоять! — взвизгнул он, пытаясь преградить дорогу Чи Нину. — Кто позволил тебе уйти? Думаешь, если не хочешь продавать, то и сделки не будет? Ты хоть знаешь, кто моя бабушка?! Да я...

Но стоило ему замахнуть веером на Чи Нина, как тот резко развернулся. Застигнутый врасплох толстяк остушился, запутался в собственных полах и с размаху полетел на пол прямо перед алтарём, распластавшись в самой нелепой позе.

По галерее прокатился дружный хохот путников.

Лицо Вэнь Шибao пошло багровыми пятнами от ярости и стыда. Взревев раненым зверем, он попытался кликнуть своих слуг, чтобы проучить наглеца.

Однако люди Чи Нина, одетые в одинаковые неприметные плащи, среагировали мгновенно. Это были не обычные наёмные охранники, а суровые, закалённые в боях воины. Действуя слаженно и без единого лишнего движения, они окружили господина, закрывая его своими телами, и синхронно обнажили клинки, направив их на обидчика. От одного только стального блеска и веявшей от них жажды крови у любого нормального человека побежали бы мурашки по коже.

Наследник мгновенно растерял весь свой воинственный пыл. К счастью для него, подоспевшие слуги вовремя помогли своему незадачливому господину подняться и торопливо зашептали ему на ухо, что заметили на прибывших повозках герб с иероглифом «Чи».

Обе стороны замерли в напряжённом противостоянии.

Чи Нин не собирался затягивать эту сцену.

— А знаешь ли ты, кто перед тобой? — негромко спросил он. Его голос прозвучал чисто и холодно, словно горный родник.

Вэнь Шибао в ответ лишь разразился издевательским хохотом:

— А с чего бы мне интересоваться всяким сбродом? Во всей столице нет ни одной маломальски знатной семьи по фамилии Чи!

Он окончательно убедился, что перед ним всего лишь сын какого-нибудь провинциального купца, который из-за своего невежества возомнил невесть что. Повернувшись в сторону Юнцзи, толстяк почтительно сложил руки перед грудью, предвкушая, как его собеседник сейчас задрожит от страха:

— Запомни хорошенько: моя фамилия — Вэнь. Та самая державная Вэнь, дарованная нам самим императором! Моя бабушка — Великая принцесса Канлэ!

Среди присутствующих пронёсся гул изумления. Даже старый настоятель, собиравшийся вмешаться и помирить спорщиков, невольно остановился. По нерушиму закону при нынешней династии принцессы вели себя скромно и не вмешивались в дела двора, однако титул Великой принцессы говорил сам за себя — это был знак величайшей императорской милости.

Казалось, этот безрассудный юноша пытается разбить яйцо о камень!

Но ни сам Чи Нин, ни его свита даже бровью не повели. Маленький слуга, который до этого помогал господину снять плащ, а теперь держал на руках чёрного кота, лишь презрительно фыркнул.

Низкие тучи заволокли небо, скрывая очертания Юнцзи.

Комендантский час ещё не истёк, однако внешние ворота столицы, вопреки всем правилам, со скрипом распахнулись. Отряд угрюмых всадников в чёрных доспехах на могучих боевых конях один за другим вылетел из южных ворот Цзоаньмэнь.

Стоило им покинуть пределы города, как кони перешли на галоп. Стремительные, словно выпущенные из лука стрелы, они летели вперёд, вздымая копытами тучи снежной пыли. Всадники быстро растаяли в темноте заснеженных полей среди сухих зарослей камыша, оставив после себя лишь глухой рокот земли.

— Восточный притвор проводит дознание! Прочь с дороги!

Восточный притвор — зловещее ведомство, одно упоминание которого заставляло чиновников бледнеть от ужаса. К настоящему времени они уже подмяли под себя Парчовых стражей, фактически превратив некогда равную им службу в своих безропотных подчинённых.

Вскоре, оглашая окрестности громким ржанием, всадники ворвались на земли монастыря Истинного Покоя. Они мгновенно оцепили северный склон горы Мосюнь, зажав древнюю обитель в плотное кольцо так, что мышь не проскочит. Величественный прежде храм в одно мгновение съёжился, растеряв всё своё безмолвное достоинство перед лицом грозных гостей.

Во главе отряда стоял статный молодой евнух с безусым бледным лицом. На нём было роскошное одеяние летящей рыбы. Одного его ледяного взгляда хватило, чтобы вышедший навстречу монах оцепенел от ужаса, позабыв, как дышать.

— Осмелюсь спросить, господин... — Монах наконец набрался храбрости и сделал шаг вперёд.

— Я ещё не евнух, — холодно перебил его всадник. Титул тайцзяня, как и вежливое обращение «господин», полагался лишь высшим дворцовым чинам. Молодой человек сухо представился: — Моя должность — младший канцлер Восточного притвора, фамилия Ся.

В точности формулировок ему нельзя было отказать.

Младший канцлер Ся спешился, неторопливо вытер пыль с ладоней и перед тем, как войти в ворота, внезапно замаялся. На его обычно бесстрастном лице на мгновение проступило волнение, которого подчинённые не видели уже много лет.

— Мой наряд... прилично ли смотрится? — тихо спросил он.

— О господин Ся, вы выглядите просто великолепно! Во всей столице не сыскать столь благородного и красивого юноши, — тут же подобоострастно заверил его молодой слуга-евнух.

Успокоив дыхание, младший канцлер уверенным шагом направился внутрь монастыря. Его отряд проследовал прямо в главный зал, где собрались постояльцы. Перед золотым ликом безмолвного Будды Младший канцлер Ся высоко поднял жетон Сливы Мэйхуа — знак верховных полномочий Восточного притвора. По толпе вновь пронёсся шёпот ужаса.

Ищейки Восточного притвора действительно были здесь!

Завидев прибывших, Вэнь Шибao расплылся в торжествующей улыбке. Он ни на секунду не усомнился, что эти люди явились по его душу. Ведь в его обозе, следовавшем в столицу, тайно ехали родственники одного очень влиятельного человека — высокопоставленного евнуха из самой Дирекции церемониала!

— Наконец-то вы явились! — Вэнь Шибao упёр руки в бока, вновь обретая прежнюю спесь.

Даже не потрудившись взглянуть, куда направлен взор Младшего канцлера Ся, он высокомерно скомандовал: — Схватите этих бунтовщиков! Только осторожнее, не повредите чёрное дерево в руках мальчишки. Оно принадлежит мне!

Присутствующие в зале затаили дыхание, не смея поднять глаз в ожидании неминуемой расправы. Но в следующее мгновение...

Грозный младший канцлер Ся вместе со всем своим отрядом безупречным, отточенным движением опустился на колени прямо перед Чи Нином.

— Отец! — громко и почтительно вымолвил он.

— Встань, — мягко произнёс Чи Нин.

Он неторопливо снял бамбуковую шляпу, пахнущую свежими листьями, открывая своё лицо. Кожа его была безупречно белой, губы — алыми; точёные черты лица казались почти женственными, а золотая тесьма, завязанная под самым подбородком, подчёркивала его изящество. Несмотря на юный возраст, в его взгляде сквозило величие, странным образом сочетавшееся с мягким покровительством.

Этот юный «отец» выглядел хрупким и болезненным — тонкие брови, бледные губы, сухощавое телосложение. Однако никто во всём зале не посмел бы взглянуть на него свысока.

Потому что это был Чи Нин.

Взглянув на замершего от шока княжича, Чи Нин повторил его собственные слова, тихо, но непреклонно:

— Взять его.

— На каком основании?! Что я совершил? — взвизгнул Вэнь Шибao. В тот миг, когда грозный чиновник Восточного притвора опустился перед Чи Нином на колени, толстяк понял, что натолкнулся на непреодолимое препятствие. Но он и подумать не мог, что эта преграда окажется смертельно опасной.

Чи Нин одарил его лёгкой, почти издевательской улыбкой. В этот момент он сам походил на отпетого злодея.

— Прошу вас, господин наследник, посмотрите на меня повнимательнее, — вкрадчиво заговорил он. — Моя фамилия Чи, имя — Нин, а второе имя — Линь. Я занимаю должность оборонного евнуха Цзянцзо и по совместительству являюсь координирующим чиновником Восточного притвора.

Имя «евнух Чи» мало кому о чём-то говорило. Но стоило произнести «евнух Линь», как у любого чиновника холодела кровь в жилах. Об этом человеке ходили легенды: обретший безграничную власть ещё в годы девиза Тяньхэ, он был сослан в Цзянцзо после падения своего покровителя. Никто не ожидал, что спустя всего несколько месяцев изгнания он с триумфом вернётся в столицу.

— Ну и что с того, что ты из Восточного притвора?! — Вэнь Шибao чувствовал, как у него подкашиваются ноги, но продолжал отчаянно цепляться за остатки гордости. — Неужели вам позволено хватать честных людей без суда и следствия? Где ваша справедливость?

Чи Нин удивлённо распахнул свои тёмные, невероятно глубокие глаза.

— Справедливость? — искренне изумился он. — Разве Восточный притвор хоть когда-то действовал по закону?

<http://bllate.org/book/20385/2105801>